

КАВКАЗЪ.

1852.

№ 66.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою. . . 8 р. 80 к.
Полугодовое 4 • 80 к
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всякъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ Тифлисъ: въ Канцеларіи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Канторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. Неакова, г. Крашенникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московск. Почтамта Подписываться также можно и во всякъ Губернскихъ Почт. Канторахъ.

СРЕДА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ОКТАБРЯ 29-го.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующій приказъ:

Въ присутствіи Своемъ въ г. Кіевѣ.

Октября 5-го дня 1852 года. Переводятся. Азъютантъ Дежурнаго Генерала Дѣйствующей Арміи Уланскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка Ротмистръ *Графъ Симоновичъ*, въ Тенгинскій Пѣхотный полкъ, съ переименованіемъ въ Капитана и съ отчисленіемъ отъ настоящей должности. Смотритель Военныхъ Поселеній въ Александрійскомъ уездѣ, состоящій по Арміи Капитанъ *Ждановъ*, въ Коммисаріатскій штатъ, съ назначеніемъ Смотрителемъ Квартеральнаго временно-временнаго госпиталя и съ оставленіемъ по Арміи Гренадерскаго Короля Фридриха-Вильгельма III-го полка Прапорщикъ *Пороховицковъ*, въ Тенгинскій Пѣхотный полкъ. Увольняется отъ службы. Самурскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ *Длукий*, по домашнимъ обстоятельствамъ, Подпоручикомъ.

Высочайшими Приказами, отданными по гражданскому вѣдомству, произведены за выслугу лѣтъ: въ 13-й день сентября 1852 года за № 180, Борчалинскій участковый засѣдатель, коллежскій секретарь *Вакуловскій*, въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ съ 25 августа 1852 года. Въ 26-й день сентября за № 189, старшій писецъ Канцеларіи Намѣстника Кавказскаго коллежскій регистраторъ *Асанъ-Джалаловъ*, въ губернскіе секретаря, со старшинствомъ съ 31 Марта 1852 года.

ТИФЛИСЪ.

Его Святлость Князь Намѣстникъ Кавказскій изволило отдать, Октября 16, слѣдующій приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

Партія хищниковъ, пробравшись изъ непокорнаго Дагестана, начала 27-го прошлаго августа на Сучмадагенскую станицю въ Нухинскомъ уездѣ и съ захваченной добычей спѣшила уйти въ горы по Кашкагайскому ущелью. Немедленно двинуты по слѣдамъ хищниковъ войска и милиція настали ихъ на г. Кассабъ, гдѣ они пытались укрѣпиться завазами, но тѣснѣе съ фронта и угрожаемые съ тыла колонною, вышедшею изъ укр. Элису на перерѣзъ пути, партія эта, потерявъ значительное число убитыми и ранеными, бросивъ всю добычу, разсыпаясь въ разные стороны и слѣдующіе дни была истреблена почти до послѣдняго человека, на плоскости Джаро-Бьлоканскаго Округа, нашими войсками и жителями.

Въ началѣ прошлаго сентября мѣсяца Магометь-Аминъ, вознамѣрился вторгнуться въ землю покорныхъ намъ Джебетовъ съ сильнымъ скопищемъ Убыховъ. Вице-Адмиралъ Серебряковъ, извѣстившись объ этомъ, со-

средоточилъ поспѣшно при укр. Св. Духа отрядъ до 1,700 человекъ при 5-ти орудіяхъ, 4-е сотни Абхазской милиціи и 9-го числа занялъ позицію на р. Музымтѣ, для прегражденія горныхъ проходовъ. При произведенной 11-го числа рекогносцировкѣ, неприятель не выдержавъ Артиллерійскаго огня и отступилъ, уклоняясь отъ боя, а на другой день Убыхи разошлись по домамъ. Потеря ограничилась съ нашей стороны убитыми нижнихъ чиновъ 4, ранеными оберъ-офицеровъ 1; нижнихъ чиновъ 20.

Объявляя объ этомъ по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, считаю долгомъ выразить мою признательность Вице-Адмиралу Серебрякову, Генераль-Маіору Барону Врангелю и благодарить: Генераль-Маіора Капо-Маргани, Контръ-Адмирала Свищова, Подполковникъ: Колобакина, Карганова, Капитана Герсванова, Поручикомъ: Хадая-Ага-Бека, Али-Бека-Дебирову, Подпоручика Князя Андроникова, Прапорщикомъ: Селымъ-Хапа, Керимъ-Агу, Абдуль-Пашу и Князя Тарханова, равно всѣхъ гг. штабъ, оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, въ обоихъ отрядахъ находившихся.

ФЕЛЬТОНЪ.

Разныя извѣстія.

Въ 43 № нашей газеты мы познакомили своихъ читателей съ замѣчательнѣйшею древностію на Кавказѣ: *Улисъ-цихе*. Долго, въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ—пустынные дворцы и дома этого таинственнаго города, оставленные своими невѣдомыми обитателями—были забыты любознательностию человека. Наука знала объ этой постройкѣ Троглодитовъ очень немного, знала по весьма поверхностному описанію Дюбуа, который какъ геологъ, болѣе занимался изслѣдованіемъ природы, творенія Бога, чѣмъ рукъ человѣческихъ. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ г. Мегвинетхуцесовъ, по совѣту гр. Соллогуба—предпринялъ систематическое обзорѣе Улисъ-цихе. Трудность пробраться въ дома и пещеры, расположенные на самомъ верху горы, гдѣ изсѣченъ этотъ городъ—не останавливалъ Мегвинетхуцесова; онъ проникнулъ во всѣ постройки и, что весьма важно для науки, успѣлъ открыть и списать нѣсколько надписей, а до сего времени полагали, что въ Улисъ-цихе надписей нѣтъ, что сооруженіе его принадлежить къ той отдаленной эпохѣ—когда письменна едва-ли были извѣстны людямъ. Кромѣ того трудолюбивый изслѣдователь пригласилъ изъ Тифлиса живописца, г. Бережнова, который срисуетъ всѣ замѣчательныя улисъ-цихскія зданія. О результатахъ открытій г. Мегвинетхуцесова и о рисункахъ г. Бережнова мы надѣемся поговорить подробнѣе.

— Книга г-на Шюена, объ Арменіи, получена въ Тифлисъ и продается въ Канцеларіи Его Святлости Князя Намѣстника Кавказскаго и въ домѣ подполковницы Ляпиной, занимаемомъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Цѣна книгъ 3 руб. сер.

— Въ послѣдней книжкѣ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* помѣщена статья: *Смертность отъ неосторожности, исчисленная по Имперіи за 1851 годъ*, гдѣ между прочимъ говорится о числѣ жертвъ, погибшихъ въ Ставропольской губерніи и въ Закавказьѣ. По причинамъ для насъ совершенно непонятнымъ, въ здѣшнемъ Краѣ—гдѣ самая природа, да отчасти и бытъ многихъ туземцевъ, ведущихъ кочевую жизнь или заселяющихъ горные уступы, представляютъ повидимому такъ много случаевъ погибнуть отъ неосторожности—подобной смертности, по счастью, было менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ Россіи. Всего погибло 359. Утонувшихъ было 111, ушибенныхъ 121, раздавленныхъ 40, замерзшихъ 3, задохнувшихся 8, поранившихся 27, отравившихся 1, опившихся 6, отъ обжогъ и обваровъ 24, и отъ разныхъ случаевъ 18.

— Въ 223 и 224 № № *Bulletin Scientifique*, г. Броссе, обнародовалъ, съ своими выводами, результаты любопытныхъ археологическихъ изслѣдованій г. Бартоломея, который свободные часы отъ своей служебной дѣятельности—посвятилъ на обзорѣе различныхъ мѣстъ края, гдѣ въ глуши лѣсовъ, между оврагами и горами—скрываются развалины древнихъ замковъ и монастырей—и даже цѣлые города—описаніе коихъ столь важно для Исторіи Грузіи. Въ числѣ прочихъ своихъ изслѣдованій—г. Бар-

толомея сообщаетъ нѣкоторыя свѣденія, о развалинахъ замѣчательнаго города *Самшечалды*, лежащихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлаго Ключа, штабъ-квартиры Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка. Командиръ этого полка Генераль-Маіоръ Князь Орбеліанъ—осматривая въ прошломъ году окрестности Бѣлаго Ключа—первый открылъ эти интересныя развалины—и обратилъ на нихъ вниманіе нѣсколькихъ специальныхъ людей. Нашъ сотрудникъ г. Цѣтковъ, посѣщавшій Сомшвалды два раза—написалъ объ этомъ городѣ большую статью—которую мы скоро представимъ своимъ читателямъ.

— Въ нашемъ городѣ, гдѣ считается болѣе шестидесяти тысячъ жителей, гдѣ такъ много людей получившихъ университетское образованіе—до сего времени нѣтъ публичной бібліотеки для чтенія, гдѣ бы можно было абонироваться читать русскіе книги и журналы. Теперь мы узнали, что у одного частнаго человека—есть намѣреніе открыть подобную бібліотеку, а также контору для выписки всѣхъ русскихъ и иностранныхъ изданій. Зная Тифлисъ, зная по опыту какъ трудно достать въ немъ иногда какую нибудь книгу, и какъ много здѣсь охотниковъ читать—мы смѣло предсказываемъ успѣхъ будущей бібліотеки, которая доставитъ большое удовольствіе свѣтскимъ людямъ, и окажетъ истинное благодѣяніе занимающимся наукою.

Вѣсти изъ Персіи.

Тегеранъ.

Недавно вся Персія приведена была въ ужасъ и изумленіе—извѣстіемъ о покушеніи на жизнь своего Шаха. Быстро, съ конца въ конецъ, по всему Ирану разнеслась объ этомъ вѣсть—но все недоумѣвали, все сомнѣвались, или вѣрили, все боялись вѣрить, что нашлись злодѣи, осмѣлившіеся поднять руку на священную особу Его В—тва, и что это могло случиться въ ихъ отечествѣ, гдѣ почтеніе къ монарху восходитъ почти до обожанія. Но скоро все Персіане убѣдились въ справедливости слуховъ, и съ радостію узнали, что Аллаху угодно было сохранить жизнь ихъ властелина, и что злодѣи, покушавшіеся на нее—схвачены и ужъ ждутъ заслуженной казни.

Вотъ что говорится объ этомъ происшествіи въ 82 № Персидской газеты, издающейся въ Тегеранѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился некто *Сеидъ-Али-Магомедъ*, прозвавшій себя *Баби-Хейт* (Врата къ истинѣ). Одушевленный необыкновеннымъ фанатизмомъ, побуждаемый какими-то непонятными для постороннихъ причинами—онъ сталъ собирать кругомъ себя народъ и проповѣдывать ему новое ученіе, несообразное съ правилами изложенными въ Коранѣ и во многомъ отступающее отъ чистаго Исламизма. Сеидъ-Али-Магомедъ скоро приобрѣлъ себѣ многихъ послѣдователей, и успѣлъ передать имъ свой фанатизмъ. Новое ученіе грозило ниспроверженіемъ настоящаго порядка вещей въ Персіи—а потому правительство прибрало проповѣдника въ руки и наградило его по заслугамъ. Казнь Сеида не устранила его учениковъ; они упорствовали въ своихъ убѣжденіяхъ. Нѣсколько разъ Персидское духовенство вступало съ ними въ диспуты, опровергало ихъ доводы и доказывало всю нелѣпность ихъ ученія—но фанатики не убѣждались въ своемъ заблужденіи, а казалось еще сильнѣе стояли за свои правила.

Житель города Тюршиза *Молла-Шейхъ-Али*, объявивъ себя намѣстникомъ казненаго Баби и своими проповѣдями увеличилъ число послѣдователей его ученія. Онъ замыслилъ дерзкое предпріятіе лишить жизни Шаха, разрушить настоящее правительство, установить новый государственный порядокъ и создать, такъ сказать, новую націю съ новымъ вѣроученіемъ и новыми понятіями о вещахъ. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, этихъ религиозно-политическихъ сектантовъ, былъ *Гаджи-Сулейманъ-Ханъ* сынъ Тавризскаго уроженца *Дья-Хана*,—и домъ его въ Тегеранѣ, въ части города, извѣстной подъ названіемъ *Серъ-Чешме*—служалъ мѣстомъ сборища заговорщиковъ. Они часто собирались, толкуя о томъ какъ бы имъ убить Шаха, чтобы успѣвшие осуществить свое предпріятіе. Двѣнадцать человекъ, изъ ихъ числа, вызвались охотниками совершить это злодѣяніе—и отправились въ *Ниверанъ*, обыкновенную лѣтнюю резиденцію Шаха. А Сулейманъ-Ханъ, вмѣстѣ съ остальными, остался въ Тегеранѣ; приготовивъ оружіе, они ждали благоприятныхъ для себя извѣстій, чтобы напасть на мирныхъ жителей столицы, ограбить ихъ и преобрѣти такимъ образомъ деньги, достичь своей цѣли—распространить ученіе Баби.

Въ день джум'ы 26 Шаваля мѣсяца 1267 г. хиджры (1-го августа 1852 г.) Шахъ выѣхалъ на охоту. Двѣнадцать человекъ бабистовъ, поджидавшихъ его въ саяхъ, между которыми была дорога, по коей ѣхалъ Шахъ впередъ свиты—вышли изъ своей засады и подъ видомъ подачи прошенія остановили лошадь Е. В—ва; въ ту же самую минуту нѣсколько изъ нихъ выстрѣлили изъ пи-

столецовъ, заряженныхъ дробью. Дробь попала въ Шаха и онарала ему плечо. Находившіеся при немъ сановники: *Ас-дулла-Ханъ-Эмир-Ахуръ*, *Мустофиаль-Мамаликъ*, *Незаюль-Мюлкъ* и другіе—бросились на злодѣевъ, одного изъ нихъ убили на мѣстѣ и схватили двухъ, которые тотчасъ же сказали, что они бабисты.

Шахъ отложилъ охоту и далъ повелѣніе *Аджутанъ-Баши*, *Хаджиби-девле* и Колонтеру столицы отыскать всѣхъ участниковъ заговора. Благодаря дѣятельности и благоумнымъ мѣрамъ, принятымъ этими сановниками, заговорщики скоро были отысканы. Хаджи-Сулейманъ-ханъ былъ схваченъ въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью товарищами, остальные же успѣли скрыться, но ненадолго. Узнавъ имена ихъ отъ пойманныхъ—Ажутанъ-баши и Колонтеръ—ловили каждый день по три, по четыре человека и представляли какъ ихъ, такъ и взятыхъ по ихъ указаніямъ, въ общее засѣданіе всѣхъ сановниковъ Двора, гдѣ злодѣи уличались въ своихъ преступленіяхъ.

Особенную дѣятельность, при поимкѣ заговорщиковъ, оказалъ Хаджиби-девле, которому удалось схватить одного изъ главныхъ бабистовъ *Мулла-Шейхъ-Али*, успѣвшаго при началѣ разсѣвковъ, убѣжать изъ города и скрыться, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами, въ одной деревнѣ Шираискаго магала. Когда Мулла-Шейхъ-Али, съ другими сектантами былъ допрашиваемъ *Садръ-Азамомъ* (первымъ министромъ)—то открылъ, что онъ душа заговора, что въ числѣ двѣнадцати человекъ, покусившихся на жизнь Шаха, находился его нукеръ *Магомедъ-Садикъ*, первый выстрѣлившій въ Е. В—во, и что онъ, Мулла-Шейхъ-Али, самъ вооружилъ и благословилъ его на злодѣяство.

Всѣхъ пойманныхъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, заговорщиковъ 52; изъ числа ихъ одинъ, по имени *Мирза-Гусейнъ-Али*, изъ Нура, находился въ деревнѣ Зеръ-Кенди, принадлежавшей Русскому Иночному Мушкетеру при Персидскомъ Дворѣ, который узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ схватить злодѣя и представить Персидскому правительству. Люди, исполнившіе приказаніе русскаго посланника—получили значительные подарки отъ Садръ-Азама, посланнику же изъявлена благодарность, какъ Шахомъ такъ и всѣмъ его Дворомъ.

Поимка преступниковъ произвела истинную радость между всеми сословіями государства, и какъ умыселъ ихъ не ограничивался покушеніемъ на священную особу Шаха, а имѣли они также въ виду измѣненіе правительства и уничтоженіе существующаго вѣроисповѣданія—то все духовенство, все служащее и все вообще горожане единогласно требовали подвергнуть ихъ смертной казни. Шахъ согласился на эту просьбу, и за исключеніемъ шести человекъ, которые еще нужны для допросовъ, противъ которыхъ еще нѣтъ явныхъ уликъ и подтвержденныхъ имъ на вѣчное заключеніе—остальныхъ онъ разрѣшилъ казнить, передать ихъ въ руки всего народа. Духовенство, правительственные сановники, военные и гражданскіе чиновники—раздѣлили между собою преступниковъ, которые были казнены слѣдующимъ образомъ:

Мулла-Шейхъ-Али, какъ главу фанатиковъ, выдававшего себя за намѣстника Баби, какъ главнаго зачинщика заговора—духовенство, по рѣшенію Шаріата, подвергло смертной казни.

Сеидъ-Гусейнъ, изъ Хоросана, былъ убитъ собственно-ручнo Принцами (Шахъ-Задѣ), которые стрѣляли въ него изъ пистолетовъ, рубили его саблями и кололи кинжалами.

Молла-Зейнанъ-Абдаль изъ горъ Езда,—былъ казненъ выстрѣломъ изъ пистолета, сдѣланнымъ въ него *Мустофиаль-Мамаликъ*, вельдѣ за тѣмъ все чиновники этого сановника, нанесли преступнику удары различнымъ оружіемъ.

Молла-Гусейнъ, Хоросанскій житель, казненъ *Мирзою-Казымъ-Ханомъ* *Низамюль-Мюлкъ* и помощникомъ министра иностранныхъ дѣлъ, ихъ чиновниками и нукерами.

Мирза-Абдуль-Вахабъ, Ширазскій житель (), одинъ изъ двѣнадцати покусившихся на жизнь Шаха,—испустилъ духъ подъ выстрѣлами сыновей Садръ-Азама, ихъ чиновниковъ и нукеровъ.

Молла-Фетъ-Али, Кумскій житель, первый выстрѣлившій въ Его В—тво, былъ сожженъ свѣчами въ лагерь, гдѣ находился самъ Шахъ.

Шейхъ-Аббасъ, изъ Тегерана, былъ убитъ придворными.

Магомедъ-Батиръ, Неджефъ-Абадскій житель умершвенъ собственною прислугою Е. В—ва.

Магомедъ-Тамъ палъ подъ ударами *Эмиръ-Ахура* и его подчиненныхъ.

Персидская газета нечисляетъ и поименовываетъ всѣхъ остальныхъ казненныхъ заговорщиковъ, описывая подробно способъ казни; не вдаваясь въ такія подробности, которыя едва могутъ быть занимательны для нашихъ европейскихъ читателей—считаемъ однакоже нужнымъ сказать, что участіе въ казни преступниковъ принимали почти все тамошнія сословія, и въ томъ числѣ государственныя лица, кавалеристы, артиллеристы и пѣхота, потомки Каджарской фамиліи, и даже воспитанники учебнаго заведенія *Дарюль-Фюнуль*. Одинъ изъ бабистовъ, *Гаджи-Сулейманъ*, о которомъ мы говорили въ началѣ этой статьи, былъ проведенъ по улицамъ и базарамъ столицы съ воткнутымъ въ тѣло горящими свѣчами и осыпаемъ камнями, бросаемыми въ него остервенившимся народомъ. Другаго горожане убили кулаками и палками.

По всей вѣроятности персидская газета сообщитъ еще другія болѣе интересныя подробности объ этомъ происшествіи и о сектѣ Баби—тогда мы передадимъ ихъ своимъ читателямъ.

Тусиранъ.

— 1-го числа шевала мѣсяца (говоритъ та же газета), за четверть часа до захода солнца, явилась на западной сторонѣ неба огненная комета, которая привела въ великое изумленіе всѣхъ тусиранскихъ правовѣрныхъ жителей. Комета подвинулась къ срединѣ неба и раздѣлилась на шесть частей, а со стороны юга послышался гулъ похожій на отдаленный грохотъ нѣсколькихъ пушекъ. Всѣ сочли гулъ предвѣстникомъ землетрясенія и со страхомъ ждали этого наказанія Аллаха. Ночь и другой день прошли благополучно, но ночью съ 2 на 3 шевала, опасенія правовѣрныхъ оправдались; въ седьмомъ часу по заходѣ солнца сильное землетрясеніе пробудило ихъ ото сна. На разсвѣтѣ оно снова было чувствуюемо, но по милосердію Аллаха—дурныхъ послѣдствій не причинило.

(*) При допросѣ этого преступника, одинъ изъ духовныхъ лицъ свидѣтельствовалъ, что онъ знавалъ его въ Козамейнѣ, убѣждалъ обратиться къ Исламизму—но тотъ, въ всего отавта и обращенія, изрыгалъ проклятіе на мусульманскихъ святыхъ.

О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ.

III (1).

Основаніе, на которомъ гайканскіе писатели воздвигли свои повествованія, о преемникахъ загадочнаго родоначальника царей Арменіи Гайка, можетъ только стоять непоколебимо въ воображеніи людей, свободно върующихся, безъ всякаго сомнѣнія, въ дѣянія такихъ таинственныхъ лицъ, какими богата мифологія (мы боимся сказать исторія) Арменіи, начиная отъ Кензустра до Тиграна I, современника Кура. На Тигранѣ останавливаются почти мифическія сказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается свободное, безпредѣльное толкованіе гайканскихъ историковъ, которые, при всѣхъ своихъ стараніяхъ обличь и Тиграна въ гигантскій панцырь и снабдить его лукомъ и копьемъ времени Бела, должны были съ душевнымъ прискорбіемъ отказаться. Моисей Хоренаци и свидѣтельства стороннихъ писателей справедливо требуютъ, чтобы Тигранъ былъ лицомъ историческимъ. О выполненіи же подобнаго требованія, относительнопредшественниковъ Тиграна, Хоренаци не въ состояніи просить, а увлеченіе послѣдователя его тѣмъ болѣе не въ правѣ настаивать надъ исторіею и домогаться отъ ней, вписать на свои страницы Арменака, Хору, База, Манавазу и др. Но не смутри на всѣ недостатки представить древнюю Арменію до Арсакидовъ въ строгой наукообразной формѣ, гайканскіе писатели построили свою исторію, не замѣтивъ, что фундаментъ, на которомъ они соорудили каменное зданіе, былъ деревяннымъ. Пока основаніе не было полочено, шаткое зданіе кое-какъ еще стояло и продолжалось бы еще можетъ быть долгое время, если бы Чамчянъ своими фантазіями не разрушилъ его окончательно. Чамчянъ думалъ, что онъ окажетъ великую услугу гайканской литературѣ, если покроетъ тѣломъ пустыя беззвучныя имена царей Арменіи, приводимыхъ Моисеемъ Хоренаци безъ всякаго упоминанія о дѣяніяхъ ихъ и о времени, когда они жили, и похищивъ во многомъ на обломки какаго либо Тигранокертскаго дворца, — обломки, которые отживши свой вѣкъ, не могутъ идти на новую постройку. Глубокомудрый же Чамчянъ бережно подбиралъ все эти обломки глубокой старинны, склеивалъ ихъ между собою или, лучше сказать, облежалъ въ тѣса, и восхищаясь вмѣстѣ съ своими послѣдователями такимъ огромнымъ трудомъ, который вѣситъ теперь около 15 фунтовъ. Вѣснѣ — то онъ много, да что въ немъ голку, говорятъ въ настоящее время некоторые соотечественники Чамчяна, избавившіеся отъ рабскаго подражанія ему; но все — такъ бояться высказать свои мнѣнія открыто объ этомъ и именнѣ, какъ намъ кажется, бояться потому, чтобы не навлекъ на себя гнѣва слѣпыхъ подражателей глубокомудраго мхитариста XVIII столѣтія. Молодые гайканисты, скрывая свои сомнѣнія, иногда осмѣливаются выражаться, что исторія Арменіи дѣйствительно нуждается въ критикѣ, но не въ такой критикѣ, которая отвѣчала бы прямо, открыто, большую часть повествованій Хоренаци до Арсакидовъ, а которая старалась бы оправдать ихъ различными изворотами, испущенными къ дѣлу. О дѣйствительности они не думаютъ, лишь бы только приведены были въ исторіи комментаріи изъ *многочисленныхъ* писателей, отъ авторитета которыхъ никакъ не могутъ оторваться. О авторитетѣ, авторитетъ! когда же передъ тобой не будутъ преклоняться слѣпо Армяне, — послѣдователи своихъ древностей и позаботятся о дѣйствительности. Странно и смѣшно слышать иногда отъ нынѣшняго гайканскаго племени, — пользующагося всеми удобствами къ разви-

тію своихъ уметвенныхъ способностей, — дѣтскія сужденія о своей фактической исторіи, не говоря уже объ общественной жизни и другихъ принадлежностяхъ ея, которыми могла бы сколько нибудь объясниться древняя Арменія. Но подобнаго рода трудъ принималъ на себя истинно достойный похвалы и уваженія Иджиджянъ и если бы, какъ мы сказали, не слѣпо преклоненіе предъ фактами, на которые ссылается этотъ мхитаристъ въ своемъ сочиненіи «о древностяхъ Арменіи», то его трудъ могъ бы служить однимъ изъ лучшихъ пособій къ изученію исторіи Гайканскаго государства. Иджиджянъ ссылается иногда (хотя очень рѣдко), на такой фактъ, съ которымъ слѣдовало бы обращаться нѣсколько осторожнѣе и подвергнуть прежде строгой критикѣ, а какъ этаго почтенный мхитаристъ не дѣлалъ, то и отнялъ право у своего труда на полное достоинство. По появленіи этого труда, начали нѣкоторые писать объ Арменіи въ духѣ Иджиджяна, но все написанное составляетъ ни болѣе ни менѣе, какъ повтореніе мыслей и мнѣній, высказанныхъ этимъ мхитаристомъ. Факты, служащіе доказательствомъ, остались незамѣченными и на нихъ не обратили никакого вниманія, какъ будто они не стояли того. Вероятно причиной этому служило известное изреченіе — «что сказано и написано, то свято», изреченіе, которое давно бы слѣдовало гайканистамъ отбросить отъ себя вмѣстѣ съ другими предразсудками давнопрошедшихъ временъ; стараться черпать доказательства для своихъ изысканій изъ самой жизни, и смотреть на исторію глазами человека современнаго, а не такъ, какъ на нее смотрѣли и о ней судили Моисей Хоренаци и другіе. Дорожить мертвымъ взглядомъ, это все равно, что отказаться отъ настоящаго и жить въ прошедшемъ, не понимая между тѣмъ того и другаго.

Моисей Хоренаци, разсматривая матеріалы, собранныя Марибасомъ Кадиною, очень часто упоминаетъ, что онъ приводитъ нѣкоторые изъ нихъ въ своей исторіи цѣликомъ, и сколько не измѣняя, а въ другихъ мѣстахъ говорить, что онъ многое, неидущее къ дѣлу выбрасываетъ и выписываетъ то только, что относится непосредственно къ исторіи Арменіи. Этими самыми упоминаніями Моисей Хоренаци ясно даетъ знать, что въ Марибасовомъ твореніи заключались рассказы не объ одномъ только Гайканскомъ царствѣ, а касались и другихъ предметовъ, вовсе не нужныхъ для Арменіи. Слѣдовательно этимъ довольно можетъ подтвердиться то, что Марибасъ хваталъ для своей рукописи преданія изъ исторій различныхъ народовъ, какъ мы о томъ сказали и прежде. Моисей Хоренаци, представивъ согласно этой рукописи геройскую битву Гайка съ Беломъ, переходитъ къ разсмотрѣнію потомковъ Гайка, говоря: «много кое-чего еще рассказывается въ летописи, (1) но мы выищемъ то только, что для насъ болѣе необходимо». Необходимымъ же Хоренаци счелъ выписать слѣдующее повествованіе о Гайканскомъ племени.

«Гайкъ, по возвращеніи на прежнее мѣсто жительства, раздавъ своимъ храбрымъ товарищамъ и Кадму, своему внуку, большую часть добычи, доставшейся послѣ битвы, приказываетъ послѣднему (Кадму) вступить снова во владѣніе своей колоніи (*мнѣ* дома), а самъ остается въ известномъ мѣстѣ Гайкъ. Гайкъ, послѣ рожденія Арменака въ Вавилонѣ, о чемъ сказали выше, проживъ

(1) Слово *летописи* (матѣянъ), которое мы переводимъ здѣсь *летописи*, встрѣчается въ первой книгѣ исторіи Хоренаци очень часто и означаетъ собственно *свертокъ*, отъ слова *матѣянъ* (матѣянъ); но гдѣ бы Моисей Хоренаци не приводилъ этого слова въ 1. кн. оно всегда выражаетъ Марибасскіе матеріалы.

много лѣтъ, умираетъ, сдавъ на *Зруи* свое племени сыну Арменаку, а домашній *свертокъ* въ провинціи Гайкъ, остальнымъ двумъ братьямъ его Хору, Манавазу и сыну Манавазу Базу. Изъ нихъ Манавазъ наследуетъ Гайкъ, а сынъ его Базъ свверозападныхъ мѣста, прилегавшія къ соленому озеру, которое вмѣстѣ съ провинціей онъ называетъ по своему имени. Говорятъ, что отъ нихъ произошли княжескія фамиліи Манавазьяновъ и Бзуцьяновъ, которые, послѣ Св. Тиридата, погибли въ своихъ междоусобныхъ войнахъ. Хоръ утверждается на сѣверной сторонѣ и сооружаетъ для себя городъ (*245* строчіе); отъ него, говорятъ, происходитъ знаменитая фамилія Хорхорубьяновъ, мужей храбрыхъ, именитыхъ, какъ мы видимъ то и до сего времени. Арменакъ же, забравъ все остальное, отправляется на сѣверо-востокъ и спускается въ одну глубокую долину, окруженную высокими горами и прорѣзанную по срединѣ рѣкой, съ шумомъ стремящейся съ запада. Поляна эта во всю свою длину почти наклонена къ полуденной сторонѣ; тамъ изъ подножья горъ стремятся множество свѣтлыхъ источниковъ, катящихся спокойно до соединенія своего съ рѣками; у подножья горъ и по полянѣ прогуливались юности съ молодыми дѣвками. Южная же гора, освѣщенная на вершинѣ близкою, *удалена отъ земли на три жизни*, — такъ сказалъ одинъ изъ нашихъ дерзкихъ мужей, предпринимавшій на нее путешествіе и потомъ пришедшій къ такому заключенію (остротѣ): «это дѣйствительно старецъ между юными горами» (2). Арменакъ, обжившись въ той глубокой долинѣ, воздвигаетъ въ сѣверной ея части, — у подножья горы зданіе, назвавъ гору по своему имени *Аракацъ*, а постройку свою *Вотнъ Аракацъ*. Но удивительно то, говоритъ историкъ, что до прихода въ настоящее мѣста нашего родоначальника Гайка, прежіе обитатели ихъ очень мало занимались земледѣліемъ. Арменакъ, спустя довольно много лѣтъ, послѣ рожденія сына своего Арманса, умеръ. Араманель строитъ на одномъ холмѣ у береговъ рѣки зданіе (*мнѣ*) и называетъ его по своему имени *Армансиръ*, а рѣкъ даетъ названіе, по имени внука своего Эраста, *Эрасъ* (Аракъ). Сына своего Шару тучнаго, прожорливаго, онъ отправляетъ въ одну плодородную долину, изобилующую водами, стремящимися съ шумомъ изъ сѣверной стороны горы Аракацъ. Говорятъ, что по имени его (*Шары*), провинція эта названа

(2) Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, говорится объ Араратѣ. Выраженіемъ *удалена на три жизни*, вѣроятно, Моисей Хоренаци хотѣлъ показать неприступность священной горы (въ чемъ и до настоящаго времени многіе увѣрены), и что для достиженія вершины ея необходимо прожить вдвое болѣе, назначеннаго человеку Провидѣніемъ времени. *Дерзкій мужъ*, на котораго намекаетъ Хоренаци, по видимому долженъ быть монахъ Іаковъ, современникъ и родственникъ Св. Григорія. Армянскія летописи повѣствуютъ, что Іаковъ, во время жаркаго спора о священныхъ книгахъ и въ особенности о потоцѣ, рѣшился лично побывать на вершинѣ Арарата, чтобы удостовѣриться, находится ли тамъ еще ковчегъ Ноя. По причинѣ ослабленія силъ и крутости горы, Іаковъ часто засыпалъ отъ усталости и никакъ не могъ достигнуть вершины. Господь сказалъ надъ его усніями; во время сна Іакову явился Ангелъ, который объявилъ, что его желаніе не можетъ быть исполнено, что вершина горы недоступна; но что за ревность его, Богъ посылаетъ ему кусокъ древа отъ Ноева ковчега, стоящаго на вершинѣ. Этотъ обломокъ хранится и теперь въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, какъ залогъ благоволенія Всевышняго. Вотъ отчего Армяне, говорятъ царотъ, считаютъ восхожденіе на Араратъ невозможнымъ; хотя бы даже посадить кого изъ нихъ на самый пикъ, онъ все будетъ повторять, что это еще не вершина, потому что онъ не видитъ здѣсь ковчега.

(*) См. № 22, 23, 49, 50, 52, 54 нашей газеты.

Ширакъ. Этотъ случай оправдывается по-словницей, существующей у простаго народа: «если твой Шара обжора, то нашъ Ширакъ не можетъ быть хранилищемъ (житницей)». Арамайсь, послѣ рожденія сына Амасія, по-жить еще нѣсколько лѣтъ, умеръ. Амасія жилъ въ Армавирѣ. Послѣ рожденія Кегамъ и еще двоихъ сыновей, Пароха и Цолака, Амасія отправляется къ южной сторонѣ горы и строить тамъ, близъ рѣки, съ большими издержками два дома: одинъ въ восточной сторонѣ у начала источниковъ, вытекающихъ изъ подножія горы; а другой на западъ отъ перваго дома, — растояніе же между ними было на полдня для странствующаго пѣшехода. Дома эти Амасія отласть въ наследство двоимъ своимъ сыновьямъ, храброму Пароху и веселому Цолаку, по имени которыхъ начали называть и эти мѣста *Парохотомъ* и *Цолакертотомъ*. Сказанную же гору Амасія называетъ по своему имени *Масисъ*. По возвращеніи въ Армавиръ, Амасія, спустя немного лѣтъ, умеръ. Кегамъ, спустя нѣсколько времени послѣ рожденія въ Армавирѣ Гармы, отправляется въ другую сторону, на сѣверо-востокъ къ берегамъ одного озера, гдѣ основываетъ поселеніе и называетъ по своему имени: гору и озеро *Кегъ*, а поселеніе *Кегакунъ*. Здѣсь у него родился еще сынъ Сисакъ, мужъ гордый, сильный, краснорѣчивый и прекрасной наружности. Кегамъ, вверивъ ему большую часть изъ своихъ сотоварищей и рабовъ, опредѣляетъ и границы его владѣнія: отъ озера на Востокъ до той поляны, гдѣ рѣка Эраскъ, прорѣзавъ горное ущелье, съ шумомъ вступаетъ въ известную долину. Здѣсь поселится Сисакъ, наполняетъ постройкою предѣлы своего владѣнія и называетъ его по своему имени *Сюнкъ*; впрочемъ Персы гораздо яснѣе именуютъ эту провинцію *Сисаканъ*. Вагаршакъ, первый царь Арменіи, изъ Нароцкой династіи, съ помощію храбрыхъ потомковъ Сисака, дѣлается, по увѣренію историка, властителемъ страны, какъ *Сисакантесъ* (потомокъ Сисака), но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Кегамъ, возвратясь назадъ, у подошвы своей горы, въ одной небольшой ложинѣ строить замокъ и называетъ его своимъ именемъ *Кегаме*, который въ послѣдствіи отъ внука его Карика получилъ названіе *Карикъ*. Изъ этого рода при Арташесѣ, внуку Вагаршака, жилъ одинъ юноша, по имени Варазъ, славившійся своимъ искусствомъ на охотѣ за оленями, дикими козами и верями и силою, съ какою онъ пускалъ стрѣлы; въ слѣдствіе этого Арташесъ дѣлаетъ его своимъ охотникомъ и даритъ ему зданіе, у берега рѣки *Храстанъ*, получившее, какъ говорятъ, отъ него названіе *Варажунъ*. Кегамъ, послѣ рожденія Гармы, проживя еще нѣсколько лѣтъ, умеръ, привѣзавъ сыну своему (Гарму) жить въ Армавирѣ.

(Оконч. въ слѣд. №)

ОПИСАНІЕ ЭЗЕРУМСКАГО ПШАЛЫКА.

(Описание.)

Санджаки Чарчансь, Куручай, Кямахъ и Кенитъ-Чифликъ прежде включались въ Эрзерумскій Пшалыкъ, но двадцать лѣтъ тому назадъ первые три отошли въ управленіе Маданскаго Пашы, а послѣдній къ начальнику серебрянаго завода (Гюмшъ-Хайе). Каждый Санджакъ заключаетъ двѣсти и болѣе деревень. Населеніе состоитъ изъ Турокъ, Армянъ, Грековъ, Куртицевъ, имѣющихъ уже здѣсь

нѣкоторую осѣдлость и небольшой части Лазовъ, поселившихся въ Байбуртскомъ Санджакѣ близъ Овскихъ горъ.

Куртицы живутъ въ Санджакахъ: Кегъ, Терджанъ и Пассинахъ.

Занятія и образъ жизни жителей Пшалыка совершенно разнородны.

Турки занимаютъ военныя, гражданскія и духовныя должности, живутъ доходами изъ своихъ помѣстій, жалованьемъ или деньгами, получаемыми отъ притѣсненія бѣдныхъ поселанъ; рѣдко кто изъ нихъ занимается торговлею, предоставляя ее городекимъ Армянамъ.

Греки почитаются лучшими ремесленниками, они преимущественно занимаются мѣдными издѣліями.

Куртицы и Лазы, живущіе въ Пшалыкѣ, совершенно отличаются отъ племенъ своихъ, находящихся въ другихъ сопредѣльных Пшалыкахъ, они уже перемѣнили свой прежній дикій образъ жизни; здѣсь Куртицы одного вѣроисповѣданія съ Турками, т. е. Сюниты; живущіе же въ Мускомѣ и Байзетскомъ Пшалыкахъ болѣею частию Шейты и Уезиды. Въ мирное время военные начальники не рѣдко должны принимать мѣры къ прекращенію хищническихъ набѣговъ сего народа на села жителей, въ военное же время они передвигаются той стороной, гдѣ думаютъ найти болѣе личныя выгоды.

Лазы, исповѣдая одну вѣру съ Турками, при первомъ воззваніи Сераскира собираются и составляютъ лучшую и храбрѣйшую пѣхоту; они привычны къ воинскимъ трудамъ, ибо воюютъ почти безпрестанно въ горахъ съ соседственными племенами Ахалцихскаго Пшалыка.

Санджаки: Тортумъ, Испиръ и Байбуртъ составляютъ сѣверную часть Пшалыка; Терджанъ, Эривганъ занимаютъ, Киги граничатъ съ Маданскимъ и Мугскимъ Пшалыками; Верхній и Нижній Пассины составляютъ часть южной и западную границу; Ова (въ переводѣ равнина), окружающая г. Эрзерумъ, лежитъ въ срединѣ Пшалыка.

Трудно опредѣлить съ нѣкоторою точностію число жителей страны, гдѣ никогда не было правильныхъ переписей, гдѣ духовенство и правители для частныхъ своихъ выгодъ стараются, чтобы настоящее народонаселеніе оставалось неизвѣстнымъ правительству.

Въ приложенной при семъ таблицѣ народонаселеніе Христіанъ показано изъ вѣрныхъ источниковъ; народонаселеніе же Мусульманъ составлено изъ показаній нѣсколькихъ Турецкихъ чиновниковъ.

Названіе мѣсть.	Мусульмане.	Христіане.
Г. Эрзеръ, домовъ	4,045.	3,252.
Ова, семействъ.	1,400.	2,575.
Испиръ, семействъ.	1,500.	180.
Тортумъ, семействъ.	1,200.	120.
Верхній и Нижн. Пассины, семействъ.	1,400.	1,590.
Терджанъ, сем.	300.	1,650.
Эривганъ, сем.	5,490.	1,850.
Байбуртъ, семействъ.	1,720.	360.
Киги, семействъ.	1,750.	875.

И того семействъ, не включенъ жит. сего Эрзерума. 15,260 9,450.

Во всемъ Пшалыкѣ 510 семействъ Греческихъ, изъ коихъ большая часть живетъ

при мѣдномъ заводѣ Галва-Маданъ и 30 семействъ въ г. Эрзерумѣ.

Эрзерумскій Сераскиръ, начальникъ Пшалыка Эрзерумскаго и сопредѣльных съ нимъ Пшалыковъ: Трапезондскаго, Ахалцихскаго, Карскаго, Байзетскаго, Ванскаго и Сивазскаго, имѣетъ свое пребываніе въ Эрзерумѣ. Трудно опредѣлить степень подчиненности собственныхъ Пашей Сераскиру. Пренебрегая часто властію самого Султана, они еще чаще не повинуются Сераскиру. За подобныя ослушанія, въ военное время, они обыкновенно расплачиваются головою. Впрочемъ Сераскиръ совершенно не входитъ въ гражданское управленіе подвластныхъ ему Пшалыковъ, и есть только военный начальникъ въ восточной части Азіатской Турціи.

Въ управленіи имъ Пшалыкъ и въ войскахъ онъ имѣетъ права, присвоенныя самому Султану: приговариваетъ къ смертной казни, исполняетъ ее, лишаетъ имѣній, налагаетъ произвольныя подати, кромѣ учрежденныхъ, смѣщаетъ Бековъ, управляющихъ Санджаками, и въ поступкахъ своихъ отдаетъ отчетъ одному Султану.

Въ большіе города, каковъ Эрзерумъ, присылаются обыкновенно изъ Константинополя Муфти и Кади, люди духовнаго званія. Они наблюдаютъ за поступками Пашей и даже самаго Сераскира и не рѣдко случается, что доносы ихъ бывають причиною изгнанія и даже казни Пашей и самаго Сераскира.

Муфти утверждается на всю жизнь, а Кади перемѣняется ежегодно. Сіи два лица суть блюстители правосудія и законовъ. Кади есть первый членъ Мехкеме (Правленія), гдѣ присутствуютъ Агалары города и области; рѣшаетъ дѣла между частными лицами и только въ важныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ совѣтамъ Муфти; но каждый приговоръ или рѣшеніе Кади, тогда только получаютъ силу и приводятся въ исполненіе, когда они подтверждены Фатвою или согласіемъ Муфти, съ показаніемъ закона изъ Корана, на коемъ основано рѣшеніе; ибо известно, что въ мусульманскихъ государствахъ нѣтъ другихъ законовъ кромѣ Корана.

Ни Муфти, ни Кади не получаютъ особеннаго содержанія, или какого нибудь денежнаго жалованья отъ двора. Первый пользуется доходами нѣкоторыхъ мечетей, приписанныхъ въ большихъ городахъ, на его содержаніе; а второй получаетъ 10-й процентъ отъ всехъ денежныхъ суммъ, который онъ заставляетъ платить работодателямъ по приговорамъ Мехкеме.

Каждый Санджакъ имѣетъ своего Бека или Мусселима, на имя коего даются все повелѣнія Сераскира, касающіяся до Санджака: въ достоинствѣ сіе утверждаетъ иногда самъ Султанъ, а чаще Сераскиръ; но въ нѣкоторыхъ Санджакахъ Мусселимы бывають наследственные. Въ главномъ мѣстѣ Санджака находится обыкновенно Кади, рѣшающій дѣла по своему произволу и только въ важныхъ случаяхъ представляющій дѣла Кади Эрзерумскому.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Рядовой Грузинскаго Линейнаго № 6 баталіона Захаръ Филиповъ нашелъ медаль съ надписью „Кавказъ 1837 года“, на Владимирской лентѣ. Утерьявшій эту медаль имѣетъ обратиться съ просьбою о выдачѣ ея въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

По недостатку мѣста, Метеорологич. Наблюд. прилаг. къ этому № отдѣльно напечатаннымъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.